

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

А.Д. Сухов

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11709

ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ Н.М. КАРАМЗИН

Аннотация. В статье проанализировано отношение Н.М. Карамзина к философии. И учёному миру, и массовому читателю он достаточно хорошо известен как историк, а также как писатель, журналист. Мало известен он как философ. Между тем Карамзин имел солидную философскую подготовку. С философией он знакомился в пансионе Шадена, Дружеском учёном обществе, а также путём самообразования. Он совершил путешествие по Европе, во время которого встречался со многими известными философами. Свои познания в философии он использовал, вырабатывая собственное мировоззрение, принципы познания, изучая исторический процесс. Воссоздавая философский облик Карамзина, автор обращает внимание на историческую обстановку, которая сложилась на рубеже XIX и XX столетий в России и на Западе, влияние, оказанное в это время на философское сообщество Просвещением и просвещенным абсолютизмом.

Философия — неотъемлемый компонент творчества Карамзина. Без учёта этого обстоятельства — деятельность его неполна. У русской философии есть характерные особенности. Одна из них — её открытость, сопричастность с другими сферами сознания — литературой, литературной критикой, естествознанием, историей. Карамзин и должен быть отнесен к категории философствующих историков.

Ключевые слова: Карамзин, Просвещение, философия, мировоззрение, принципы познания, социальные вопросы, революция, самодержавие, Западная Европа, Россия.

Николай Михайлович Карамзин — один из причастных к философии русских историков. «Мы, философы», — так определял он свою принадлежность к философии, к тем, кто ею занимается. Когда он говорил о «философе-историке», то и себя причислял к данному типу исследователя. Карамзин хорошо известен как историк, писатель, журналист. Как о философе же о нём упоминается лишь попутно — в связи с другими видами его деятельности. Но работы о Карамзине-философе ждут своего часа: философия — неотъемлемый компонент его творчества.

Философскую эрудицию, которая его отличала, он обрел уже в раннем возрасте. Время и обстоятельства благоприятствовали этому. Гонения на философию, начатые в 20-х гг. XIX столетия государственной властью, а затем попытка полного запрета её, предпринятая в 1850 г., при Николае I, были пока что далеко впереди. В Николаевской России, как свидетельствует современник, «философия была запретным плодом и преследовалась, как нечто вредное и совершенно лишнее для нашего общества»¹.

Сам Николай I философии не выносил, называл её «гнусной»; она раздражала и тревожила его как явление, чьи отвлечённые и абстрактные категории способны воплощаться в реальные дела, несущие угрозу традиционным порядкам.

В 70-х — 80-х гг. XVIII в., когда к философии стал приобщаться Карамзин, обстановка была иной. На троне находился философ, каковым, по крайней мере, сама себя считала Екатерина II. С сочинениями философов, преимущественно французских, она начала знакомиться ещё до овладения престолом, а став императрицей, использовала высказанные в них взгляды в своих доктринах, программах и декларациях. В 1767 г. ею был представлен Комиссии об уложении «Наказ», содержащий идеи, заимствованные из произведения Ш.Л. Монтескьё «О духе законов». Во время правления Екатерины II издавались философские работы европейских авторов, причём и сама она принимала участие в их переводах. Она наладила отношения с величайшими умами тогдашнего философского мира — Ф.М. Вольтером, Ж.Л. д'Аламбером, Д. Дидро, переписывалась с ними, финансировала некоторые их начинания. В 1773 г. Дидро, по приглашению императрицы, приехал в Петербург, прожил во дворце несколько месяцев, давал ей советы по вопросам философии.

¹ Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 244.

Увлечение философией не ограничилось императорскими апартаментами. К ней оказался привлечен значительный слой дворянства. В столице и за её пределами появились вольтерьянство и вольтерьянцы. Вольтер пользовался наибольшей известностью, поэтому говорить о нём, ссылаться на него, даже при крайне скудном знании того, что он действительно писал, стало модой и хорошим тоном.

В России, как и в некоторых других странах, проявлял себя так называемый просвещённый абсолютизм. Одряхлевший и отживший свой век феодализм стремился осовременить облик, придать себе внешнюю привлекательность. Абсолютизм украсил себя передовыми идеями, реальное осуществление которых переносилось в неразличимую даль.

Наряду с просвещённым абсолютизмом складываются русское Просвещение, его философия. Русское Просвещение не только испытывало воздействие западного, оно было включено в его контекст. Оно не имело идейного родства с просвещённым абсолютизмом, его социальные симпатии и направленность являлись иными. Несовпадение Просвещения с просвещённым абсолютизмом отмечал А.С. Пушкин: «... Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешёл из рук Шешковского² в темницу, где и находился до самой её смерти». Пушкин называл императрицу «Тартюфом в юбке и короне», увидел «жестокую деятельность её деспотизма под личной кротости и терпимости», «отвратительное фиглярство в сношениях с философами её столетия»³.

Как бы то ни было идеи и книги, предназначенные для определённых целей, выходили за эти пределы, служили и тем, кто при этом вовсе не имелся в виду.

Благоприятствовали знакомству с философией некоторые эпизоды личной жизни Карамзина.

В 1778–1781 гг. он обучался в московском пансионе И.М. Шадена, где, в частности, получил сведения о начатках некоторых философских систем. Шаден окончил Тюбингенский университет, являлся доктором философии. Себя он считал последователем немецкого философа и поэта Х.Ф. Геллерта, в процессе преподавания излагал его воззрения, книги его рекомендовал читать воспитанникам пансиона. Он говорил, что если слушате-

ли его будут следовать предписаниям нравственного кодекса Геллерта, то обретут счастье.

Добрые чувства об этих уроках Шадена и нравов учениях его ментора Карамзин не утрачивал. Посетив в июле 1789 г. Лейпциг, он, помня рассказы своего наставника о Геллерте, отыскал в городе памятники, которыми был почтён этот мыслитель, — один в Вендлеровом саду, другой — в церкви св. Иоанна. Нравственная философия, которой Карамзин не переставал интересоваться, служила ему при оценке исторических личностей, их поступков при создании «Истории государства Российского».

Ещё одно событие повлияло на Карамзина, когда он осваивал философию, — принадлежность его в 1785–1789 гг. к так называемому Дружескому учёному обществу, руководимому Н.И. Новиковым. Карамзин поселился в доме, принадлежавшем обществу, в котором и собирались его участники, — в Москве, близ Меншиковой башни (церкви архангела Гавриила) у Чистого пруда. Общение с кругом лиц, идейно связанных с Новиковым, и с ним самим позволяло Карамзину устранять пробелы в образовании, в том числе — философском.

В 1786 г. Карамзин вступил в переписку с И.К. Лафатером, писателем, философом и теологом из Швейцарии, жившим в немецкой части страны, в Цюрихе, и писавшим на немецком языке. Карамзин сообщал Лафатеру, что он знаком с философскими произведениями Х.Ф. Геллерта, А. Галлера, Ш. Бонне, Г.В. Лейбница, что Лафатер — в числе интересующих его философов, что его внимание привлекло Лафатерово сочинение «Физиогномические отрывки», в котором была предпринята попытка прояснить философский вопрос, как соотносятся телесные данные человека с его душевным началом.

Физиогномика Лафатера содержала в себе преувеличения, произвольные толкования, необоснованные выводы. Но у Лафатера было также немало интересного, рационального. В письме от 20 апреля 1787 г. Карамзин уподоблял даже сделанное Лафатером в познании человека тому, чего достиг Х. Колумб в мореплавании. В письме от 27 марта 1788 г. он отдавал должное Лафатеру в том, что тот, изучая человека, развил в своих «Физиогномических отрывках» прекрасные мысли по поводу того, «как душа выражается в теле»⁴.

Карамзин просил, чтобы его не считали «физиогномическим колдуном», но был всё же неplo-

² Домашний палач кроткой Екатерины. — Примеч. А.С. Пушкина.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-и т. Т. VIII. Л., 1978. С. 91–93.

⁴ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 18. М., 2009. С. 248.

хим физиогномистом. Он признавался, что любит «заниматься рассматриванием лиц человеческих, искать сходства там, где другие его не находили, и проч., и проч.»⁵. Когда же он оказался в Цюрихе, на родине Лафатера, встретился с ним, провёл в его обществе более двух недель, был «обвеян воздухом» города, который может быть назван «колыбелью новой физиогномики», то, обращаясь к своим московским знакомым и намекая, что способен отныне через внешность выведать их сокровенные душевные движения, восклицал: «...Теперь и вы бойтесь мне на глаза показаться!»⁶.

Карамзин не ограничивался, конечно, наблюдениями повседневности; пользуясь данным методом, он создавал литературные портреты современников, а по свидетельствам, оставшимся от прошлого, — и исторических лиц.

Вот каким предстаёт, например, перед нами И.Г. Гердер, литературная зарисовка которого была сделана Карамзиным в июле 1789 г. в Веймаре: «Лоб и глаза его показывают необыкновенный ум... Вид его важен и привлекателен; в мине его нет ничего принуждённого, ничего такого, что бы показывало желание *казаться чем-нибудь*. Он говорит тихо и внятно; даёт вес словам своим, но не излишний. Едва ли по разговору его можно подозревать в Гердере скромного любимца муз; но великий учёный и глубокомысленный метафизик скрыт в нём весьма искусно»⁷.

А вот последний царь из вырождавшейся династии Рюриковичей, которого мы встречаем на страницах Карамзинской «Истории государства Российского»: «Не наследовав ума царственного, Феодор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен; всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах; одним словом, изъяснял в себе преждевременное изнеможение сил естественных и душевных»⁸.

Большим событием в жизни Карамзина стала его поездка в Западную Европу — Германию, разделённую тогда на множество самостоятельных госу-

дарственных образований, Швейцарию, Францию, Англию, которая и явилась конечным пунктом путешествия, продолжавшегося с мая 1789 г. по сентябрь 1790. Принято сравнивать и сопоставлять «Письма русского путешественника», литературно зафиксировавшего этот вояж, с «Сентиментальным путешествием» Л. Стерна, опубликованным в 1768 г., отмечать влияние книги Стерна на характер «Писем». Карамзин и сам признавал идейный патронаж Стерна. Однако между этими двумя произведениями и описанием в них событий есть существенная разница. Стерн ведёт повествование о встречах со случайными людьми, о впечатлениях, оставленных этими встречами, о чувствах, при этом испытанных.

Путешествие Карамзина совершается по определённой плану и с вполне определёнными целями; оно строго мотивировано. Его направляет философский поиск. Путешественник стремится познакомиться с философами Европы. И это — далеко не визиты вежливости. Его интересует, что они создают, он хочет постичь их идеи, ещё не ставшие общим достоянием, методы их работы, стиль творчества. Если путешествие Стерна стяжало славу сентиментального, то путешествие Карамзина вполне может рассматриваться как философичное. Он чувствовал себя как бы перенесённым в «древние времена, когда философы отправлялись в самые дальние страны, дабы повидаться с себе подобными...»⁹.

Но не только само путешествие философски возвысило и обогатило Карамзина. Не менее значима для него была подготовительная стадия его. Карамзин основательно поработал в библиотеках, прочёл немалое число книг по философии, выявил то новое, что в последнее время было привнесено в неё, те проблемы её, которые нуждались в дальнейшей проработке.

Об общении автора с философами, разговорах с ними, о философских находках, обрётённых при этом, — обо всем этом ведётся рассказ в «Письмах русского путешественника».

В июне 1789 г. в Кёнигсберге Карамзин посетил И. Канта. Он знал немецкого философа по его трудам, считал его «глубокомысленным, тонким метафизиком», следил за его полемикой с мыслителями, сошедшими уже с жизненного пути и ныне здравствующими, — Н. Мальбраншем, Г.В. Лейб-

⁵ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 13. М., 2005. С. 133.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 10. М., 2007. С. 7–8.

⁹ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 329.

нищем, Д. Юмом, Ш. Бонне, соглашался с мнением М. Мендельсона, «иудейского Сократа», называвшего Канта «всё сокрушающим».

Беседа продолжалась около трёх часов и оказалась для Карамзина «весьма любопытной». Собственно говоря, пользуясь позднейшей терминологией, её можно назвать интервью: Карамзин задавал вопросы, Кант отвечал на них. Кант поразил Карамзина своей эрудицией, интересом ко многим и разнообразным событиям, совершающимся в мире. Его познания в истории и географии способны были сами по себе составить, по мнению его визави, целый «магазин человеческой памяти», хотя и являлись для Канта делом сравнительно посторонним.

Главный предмет, занимавший собеседников, — конечно, философия. Был поднят вопрос о нравственном сознании. Вспоминая прожитый отрезок жизни, шестидесятипятилетний Кант для подтверждения нравственного закона, в существовании которого не сомневался, ссылался на личный опыт: он удовлетворён теми лишь своими поступками, которые соответствуют этому закону. Последний согласуется с совестью, ощущением добра и зла.

Кант говорил: когда придёт конец этой его жизни, он рассчитывает на другую, лучшую. Но это — лишь надежда. Такая жизнь вероятна, но не очевидна. В неё можно только верить. И неопределённость представления о ней оправдана. Кант подтверждает это следующим образом: «Да и что бы с нами было, когда бы мы, так сказать, *глазами увидели её?* Если бы она нам очень понравилась, мы бы не могли уже заниматься нынешнею жизнью и были в беспрестанном томлении; а в противном случае не имели бы утешения сказать себе в горестях здешней жизни: *авось там будет лучше!*»¹⁰.

Можно предполагать также бытие Всеобщего Творческого разума. Но конкретизировать и это начало трудно. Суждение Канта, в передаче Карамзина, таково: «Здесь разум погашает свитильник свой, и мы во тьме остаёмся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несбыточное»¹¹.

Заслуживающим внимания показалось Карамзину и отношение Канта к его идейным недругам. «Вы их узнаете, — сказал он, — и увидите, что они все добрые люди»¹².

При обмене мнениями выяснилось, что Карамзину известны произведения Канта, к тому времени изданные, но, конечно, не все. Кант решил обратить его внимание на два из них: «Критику практического разума», опубликованную в предыдущем, 1788 г., и «Основы метафизики нравственности», вышедшие в свет несколько ранее — в 1785. Кант взял бумажку и написал на ней их названия. Карамзин сберег её «как священный памятник».

Он отметил ещё и следующие впечатления от осуществлённого им визита: «Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Всё просто, кроме... его метафизики»¹³.

Литературное знакомство с И.Г. Гердером также предшествовало личному. Карамзин до отъезда своего в Европу прочёл ряд его сочинений. Особенно отличал он книгу Гердера «Бог», опубликованную в 1787 г., в которой автор, следуя за Б. Спинозой и защищая его от нападок Ф.Г. Якоби, отождествлял это начало с реальным миром. Чтение книги, по признанию Карамзина, «уладило» его жизнь; он выписал из неё «многие места». Для Карамзина Гердер — «мудрый муж», «великий автор». С ним Карамзин встречался дважды и в разговорах касался различных тем; он, в частности, пытался прояснить в Гердеровском произведении «Древнейший документ человеческого рода» тексты, которые остались им непонятыми.

В деревне Жанту, близ Женевы, Карамзину несколько раз довелось встречаться с Ш. Бонне, где тот тогда жил. Карамзин читал уже его сочинения и, как сам говорил об этом, «с великим удовольствием», «с пользою». Для него Бонне — философ и натуралист — «мудрец», «великий». Беседы касались различных идей Бонне, преимущественно высказанных в двух его произведениях — «Палингенез» и «Созерцание природы», излагающих его философию естествознания. О самом характере обмена мнениями Карамзин отзывался следующим образом: «Ни с кем не говорю я так смело, так охотно, как с ним. И слова, и взоры его ободряют меня. Он всё выслушивает до конца, во всё входит, на всё отвечает. Какой человек!»¹⁴.

Не были оставлены Карамзиным без внимания те философы, которых он уже не застал в живых. Он

¹⁰ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 13. М., 2005. С. 26.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 210.

побывал в местах, с ними связанных, хранивших память о них. В Потсдаме он посетил дворец Сан-Суси, зашёл в ту комнату, где Фридрих II, сам относивший себя к философам, беседовал с теми из них, кто, по его приглашению, жил у него; здесь же временами, уединившись, читал он философские сочинения. Карамзин спустился и в парк: «Здесь гулял Фридрих с своими Вольтерами и Даланбертами»¹⁵.

В Париже Карамзину случалось захаживать в Люксембургский сад и тоже не без повода. Ему было известно, что сад этот некогда был любимым местом для прогулок некоторых мыслителей Франции, что именно в его аллеях обдумывали они свои творения. Он представлял себе здесь Г.Б. Мабли, прогуливавшимся с Э.В. Кондильяком, размышлявших тут Ж.Ж. Руссо и Ф.М. Вольтера...

Карамзин побывал в Пасси, под Парижем, где жил Б. Франклин, а в самом Париже отыскал погребения Р. Декарта (в аббатстве св. Женевиёвы) и Б. Паскаля (в церкви св. Стефана). Он обратил внимание на надгробную надпись, посвященную Декарту, и так прокомментировал её: «Эпитафия говорит, что он был первым мудрецом своего века — и справедливо. Философия прежде его состояла в одном школьном пустословии. Декарт сказал, что она должна быть наукою Природы и человека; взглянул на вселенную глазами мудреца и предложил новую, остроумную систему, которая всё изъясняет — и самое неизъяснимое; во многом ошибся, но своими ошибками направил на путь истины английских и немецких философов; заблуждался в лабиринте, но бросил нить Ариадны Невтону и Лейбницу; не во всем достоин веры, но всегда достоин удивления...»¹⁶.

Бывал Карамзин в принадлежавшем Ф.М. Вольтеру имении, расположенном близ французской деревни Ферне, в шести верстах от Женевы, где ещё совсем недавно жил «славнейший», по его мнению, из писателей XVIII столетия, воздействовавший своим творчеством, как никто другой, на современников, «Фернейский мудрец». Открывшуюся перед ним дверь в его дом Карамзин воспринял как вход «во святилище». Всё в жилище Вольтера оставалось в том виде, как это было при нём, и воссоздавало образ человека, обитавшего здесь.

Карамзин отыскивал «следы» Ж.Ж. Руссо, его интересовало всё так или иначе с ним сопряст-

ное. Для Карамзина он — «бессмертный Руссо», «великий Руссо», даже — «величайший». «Человек редкий», «автор единственный» — так отзывался о нём Карамзин. Этот мыслитель, по его словам, «сильно действовал» на его сердце; ему обязан он был многими «из любезнейших» идей своих; душа его «отчасти перелилась» в его собственную.

Отправившись из Лозанны, Карамзин пешком обошел те места, которые Руссо сделал «сценою» своего философского романа в письмах «Юлия, или Новая Элоиза», вынеся в заголовок имя подруги П. Абеяра, философа XII столетия. Роман был у Карамзина «в руках», и он постоянно сверялся с ним. Будучи в Париже, он не упустил случая и заглянул в кафе «Регентство»: ведь именно там его кумир появлялся когда-то «всякий день», а самому Карамзину довелось быть свидетелем того, как «ревностные жан-жакисты» собирались там, чтобы в честь «Руссовой памяти» пить кофе.

Карамзин прошёлся по тем местам вокруг Парижа, где Руссо жил, писал, проводил досуг. Особенное впечатление произвёл на него Эрменонвиль, особняк и сад при нём, которые были освящены «невидимым присутствием гения». Именно здесь завершилась его жизнь, и Карамзин постоял на его могиле, переправившись на лодке на Тополинный остров.

Подводя итоги предпринятого им путешествия по странам Европы, он отмечал как его характерные признаки — краткосрочность ознакомления с посещёнными им местами, непродолжительность общения с людьми, его интересовавшими. Но обращал он внимание и на то преимущество, которым обладают первоначальные впечатления, пусть они и являются беглыми. «Свежее любопытство, — считал он, — ловит главные, отличительные знаки места и людей, то, что, собственно, называется характером и что при долгом повторительном рассматривании затемняется в душе наблюдателя»¹⁷.

Подготовку к путешествию и само путешествие можно считать единым процессом и целостным временным периодом, позволившими Карамзину стать философски образованным человеком.

Свой философский багаж Карамзин постоянно пополнял и в последствии, даже в такое время, когда не каждый философ удосужится заниматься философией. 1 января 1823 г. он сообщал П.А. Вяземскому: «За час до нового года я приятно занимался чтением Мендельсона и Якоби о метафизике

¹⁵ Там же. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 345.

¹⁷ Там же. С. 402–403.

Спинозы...»¹⁸. В его сочинениях и письмах помимо так или иначе уже упомянутых не обойдены стороной и многие другие философы — Платон, Аристотель, Демокрит, Эразм, Ф. Бэкон, Д. Локк, Т. Гоббс, Ш.Л. Монтескьё, К.А. Гельвеций...

Карамзин соединил в себе учёного, исследователя и литератора, художника. Понятийная форма изложения сочетается у него с образной. Образ философии сложился в его сознании, когда он, живя в Париже, отправился в Булонский лес — побродить по его тропинкам. Одно из зданий, сооружённых в лесу, привлекло его особенное внимание: постройка «на скале; вход неудобен, труден... Это павильон философии, которая не всякому даётся. Вид его снаружи не привлекателен, странный, готический: в знак того, что философия мила только философам, а другим кажется едва ли не сумасбродством... А разноцветные окончины представляют вам всякую вещь разноцветною: эмблема несогласия умов и мнений человеческих»¹⁹.

Карамзин в своих философских поисках, обращаясь к уже имеющимся системам, не создал какой-либо собственной. Но философские познания его не были бесполезным идейным приобретением. Как исследователь он исходил из того, что чувственные впечатления с опорой на факты — источник дальнейшего познания; они предваряют теоретические построения.

10 июня 1788 г. Карамзин писал И.К. Лафатеру: «Я думаю, что было бы лучше наблюдать великое мироздание, как оно есть, и насколько это доступно нашему глазу, всматриваться, как всё там происходит, нежели задумываться о том, как всё могло бы там происходить...»²⁰. Последнее «часто случается» с философами, когда они пренебрегают фактами и руководствуются произвольными гипотезами. Карамзин в таких случаях не с ними, каким бы авторитетом они ни обладали, будь то даже «Лейбницы и Боннетты».

Позже, в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», опубликованной в 1794 г. в альманахе «Аглая», Карамзин придал гносеологическим принципам, которыми он руководствовался, следующий вид. «Отражение» существующего начинается

с непосредственных, «чувственных впечатлений». Но к отражению подключается ещё и «та удивительная сила или способность, которую называем мы разумом и которая ждала только чувственных впечатлений, чтобы начать свои действия». Разум вносит порядок в «хаос идей», обособляет и соединяет их, обнаруживает в их совокупности «различия и сходства», отделяет частное от общего и производит идеи особого рода, «идеи отвлечённые, которые составляют знание, составляют уже науку...» «Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать её от других вещей, представлять её в связи с другими». Первоначально появляется наука о природе, «а потом, через разные отвлечения, достигает человек и до понятия о самом себе...»²¹.

В предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин конкретизирует общие принципы познания применительно к изучению интересующей его сферы. Происхождение мыслей, относящихся к событиям прошлого, должно быть «единственно в памятниках», духа минувшей жизни — «в тлеющих хартиях». Только тогда «преданное нам веками» можно «соединить в систему». «Читатель заметит, — выражал надежду Карамзин, — что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупаю* их... Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний...»²².

Для написания «Истории государства Российского» привлечён фактический материал, почерпнутый из летописей, грамот, судебных книг, сочинений иностранцев, в разное время посещавших страну. Интересовавшие его свидетельства Карамзин находил в архивах и библиотеках, отечественных и зарубежных, в монастырских и частных хранилищах. С.Ф. Платонов говорил даже о «сверхзнании» Карамзиным источников, а о его литературной осведомлённости отзывался как об исключительной. Но создатель «Истории государства Российского», по его мнению, «не только не потерялся в этом положении, но, напротив, обнаружил изумительную энергию в подборе необходимого материала»²³.

²¹ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 393.

²² Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 1. М., 1998. С. 136–137.

²³ Платонов С.Ф. Карамзин-историк // Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. Антология. СПб., 2006. С. 265.

Как никому другому в его время был известен Карамзину антураж исторических событий — среда, обстановка, в которой они совершались. Карамзин — знаток достопримечательного, сохранённого судьбой: дворцов, домов, монастырей, церквей, мест, отмеченных историей, и т.п. Его произведения «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «Путешествие вокруг Москвы», «Записка о московских достопамятностях», посвящённые Москве, её окрестностям, Подмосковию и опубликованные соответственно в 1802, 1803 и 1818 гг., не утратили ценности путеводителей и для нас.

Карамзиным было обращено внимание на ещё один гносеологический феномен. Он фиксировал противовес познанию, отклонение от него, некритичное восприятие имеющихся данных. Дело в том, что помимо естественных трудностей познания существуют также искусственные, внешние для него, ему навязываемые. «... Что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого рода святынею; и робкий историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом история делается иногда эхом злословия... Мысль горестная!»²⁴.

Случалось, однако, и самому автору подобной сентенции, разумеется, вполне справедливой, оказываться в положении «робкого историка» и некритичного комментатора, испытывая шедшие на него воздействия и реагируя на них.

Такой характер имеет, например, трактовка, данная в Карамзинской «Истории» регалиям («шапка Мономаха», скипетр, держава и пр.). Легенда об их происхождении как византийском даре возникла на грани XV и XVI столетий, став составной частью концепции «Москва — третий Рим». Согласно этой версии, даритель — византийский император Константин IX, получивший дар — киевский князь Владимир Мономах. Но в XVIII в. было уже известно, что правления этих исторических деятелей не совместимы во времени: Владимиру было два года, когда Константин скончался. Знал об этом и Карамзин. Но предметы, которым приписывалось подобное происхождение, стали символами русской монархии. И Карамзин не посягнул на их традиционную трактовку. Он держался мнения, что регалии даром «действительно могли быть», только сделан он был другим императором — не Константином IX, а Алексеем I, современником

Владимира. Правда, какими-либо конкретными сведениями он это своё мнение не фундировал.

Теми же посылками обусловлено, по-видимому, изображение в его «Истории» Годунова причастным к гибели проживавшего в Угличе царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. А ведь за несколько лет до создания «Истории» Карамзин в очерке, уже упомянутом, где была описана его поездка к Троице-Сергиевой лавре, высказывал сомнение относительно обвинений Бориса и призывал не судить о происшедшем в Угличе поспешно, чтобы не впасть в ошибку: «Что, если мы клеветем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?»²⁵.

Но царевич Дмитрий, согласно церковной версии, — «святой», «невинно убиенный», «страсто-терпец». Прах его перенесён из Углича в Москву митрополитом Филаретом, будущим патриархом, отцом царя Михаила Романова, и погребён в Архангельском соборе, в Кремле. Отвергнуть убийство и признать самоубийство, пусть и невольное, значит лишить его святости (к святым не могут быть причислены и те, кто совершил его вопреки своей воли и желания). Политическая конъюнктура начала XVII в., привлекая после свержения самозванца внимание к царевичу, была подкреплена церковными и государственными акциями. Непросто было пойти на пересмотр сложившихся стереотипов в «Истории», претендующей на статус официально признанной.

Голоса против демонизации Бориса из-за приписываемого ему злодеяния стали раздаваться вскоре по выходе «Истории» Карамзина в свет. В числе возражавших — М.П. Погодин, Н.А. Полевой, В.Г. Белинский... К настоящему времени вопрос об угличской трагедии может считаться решённым. Картина случившегося 15 мая 1591 г. ныне по первоисточникам воссоздана во всех деталях. Непричастность к этому событию тогдашнего правителя государства доказана²⁶.

Однако и традиционная трактовка угличского события, поддержанная «Историей» Карамзина, продолжала жить. На судьбы её повлияло искусство. А.С. Пушкин, когда он писал своего «Бориса Годунова», опирался на труд Карамзина, а М.П. Мусоргский, создавая одноименную музыкальную

²⁴ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 224.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Скрынников Р. Борис Годунов. М., 2002. С. 130–163.

драму, — на трагедию Пушкина. Версия, утрачивая историческую адекватность, обретала дополнительную силу воздействия — за счёт созданий Пушкина и Мусоргского, успешней завоёвывающих сердца и умы людей, чем специальные научные исследования.

Философствующий Карамзин не мог, конечно, не обращаться к общим, мировоззренческим вопросам. Если в гносеологии он считался с сенсуализмом и рационализмом, то в трактовках первоначала всего не уклонился от воздействий деизма. Сверхъестественное при этом не отрицается, но ему придаётся неконкретный, отвлечённый облик. Это — «вышний правитель», «Божественный Разум», «чистый Дух», «безначальный источник» всего сущего. В образе верховного существа, как его трактует Карамзин, отражается и воплощается философский поиск, в него привносятся возникающие в ходе его, этого поиска, понятия о «разумной Причине», «творческом Уме»...

Вопрос о том, как соотносятся между собой душа и тело занимал Карамзина ещё в его переписке с И.К. Лафатером, о которой шла уже речь. К своим окончательным суждениям Карамзин пришёл после дополнительных изучений и размышлений. Своё мнение он выразил публично — в «Московском журнале», в 1792 г. Нам ничего не известно о существовании души «по разрушению тела», её мучениях и блаженстве. Всё то, что сказали о будущей жизни философы, пытавшиеся доказать её реальность, недостоверно. Это всего лишь «чаяние, потому что они писали *до смерти* своей, следственно, ещё *не зная* того, что ожидает нас за гробом. Все же известия, которые выдаются за газеты *того света*, суть, к сожалению, — газеты (то есть басни)!»²⁷.

Карамзин являлся сторонником Просвещения, разделял постулаты его социальной философии. Социальный проект, представленный Просвещением, казался ему реальным, осуществимым. «Царство счастья», полагал он, «исполнится» за счёт успехов разума и просвещения. Карамзин, как и другие просветители, надеялся, что имеющие власть не оставят без внимания установки Просвещения, прислушаются к ним. Если же этого не случится, тогда произойдёт то, что и застал Карамзин в 1789–1790 гг. во Франции, — революция. Она решает проблемы, поставленные временем, но несёт с собой невзгоды и разрушения, которых, как

казалось просветителям, можно было, при ином ходе дел, избежать.

Значимость Французской революции Карамзин не отрицал. Он писал, что она «относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел... Мы ещё увидим множество поразительных явлений»²⁸. Но революция, как считал он, стала также временем «ужасных бедствий».

Расчеты просветителей, Карамзина тоже, на мирный, бесконфликтный социальный процесс в соответствии с их предназначениями, вроде бы столь убедительными, не подтвердились. Оказалось, что события определяются и направляются далеко не одними лишь обращениями просветителей к разуму. Несостоятельность подобных мечтаний вынужден был признать и Карамзин. «Конец нашего века, — писал он в 1795 г., — почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, ...что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, наслаждаясь истинными благами жизни... Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!.. Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!..»²⁹.

С годами сознание Карамзина и его социальная философия становились всё более консервативными. Сам он считал это даже закономерным явлением, свойством развивающейся личности, игнорируя при этом факты иного рода — сохранение имеющихся убеждений и мировоззренческие сдвиги, совершающиеся в ином направлении — справа налево.

Карамзин тем не менее, как и прежде, не рассматривал революцию односторонне, как социальный акт разрушительный, но бесполезный и бессмысленный. Когда в Испании в 1820 г. началась революция, направленная против средневековых устоев, сохранявшихся в стране, он посчитал, что нынешняя, современная история её «очень любопытна». Опасался он только возможных при этом «фраз и крови». Он обещал П.А. Вяземскому в своём письме от 12 апреля 1820 г., что если начавшие ре-

²⁷ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 5, 7.

²⁸ Там же. С. 332.

²⁹ Там же. С. 17–18.

волюцию «устроят государство», в знак поддержки их, «итти пешком в Мадрит»³⁰. Испанцам он желал «добра», хотя и сомневался в успехе их предприятия. Действительно, революция завершилась в 1823 г. интервенцией в Испанию войск Священного союза и восстановлением там прежнего режима.

В результативности революционных перемен Карамзин мог убедиться воочию, проведя во время турне по Европе несколько месяцев в Англии — летом и осень 1790 г., стране, пережившей в XVII столетии общественный катаклизм, бурный и сокрушительный.

Он нашёл здесь «общее благоустройство», «деятельность», «порядок», «картину неописанной приятности». Он посчитал, что по степени просвещения это государство в Европе «одно из первых». Просвещение коснулось не только верхушки общества, но и простых граждан. Его приятно поразили ремесленники, читающие «Историю Англии» Д. Юма, служанка, которой знакомы произведения Л. Стерна и С. Ричардсона, лавочник, дельно рассуждающий о торговых делах своей страны, крестьянин, имеющий своё мнение о парламентских речах Р.Б. Шеридана... Газеты и журналы Карамзин видел в руках «у всех»: их читают не только в городе, но и в деревне.

На него произвели, правда, плохое впечатление некоторые явления буржуазного общества, неотторжимые от него: делячество, корыстолюбие, низкий расчёт... Хотя Англия в целом и понравилась Карамзину, он всё же не пожелал бы провести здесь всю жизнь свою. Возвращаясь морем на родину, при виде Кронштадта, он не мог сдержать радости: «Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России...»³¹.

Карамзин считал, что судьбы его страны неотждественны тому, что переживает Западная Европа. «Россия не Англия», — заявлял он. Он призывал не обольщаться тем, что в XVIII в. Россия оказалась «в одном ряду» с европейскими народами. Они обрели то, что имеют, в течении веков, естественным ходом событий, последовательно и постепенно. Россия, начиная с Петра I, делала приобретения «с излишней поспешностью», используя подражание, принуждение, насилие. Могут ли быть устойчивыми и прочными подобные исключения из правил? Карамзин сомневался в этом.

Ставя вопрос, какие социальные институты соответствуют нынешнему состоянию страны, он обращался к её истории. Карамзин руководствовался при этом следующим философско-историческим положением: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее»³².

Один из главных сюжетов Карамзинской «Истории» — борьба страны за независимость, утраченную в XIII столетии и вновь обретенную в XV, двести пятьдесят лет спустя. Предпосылкой её явилось собиранье русских земель вокруг Москвы, начатое первыми же её князьями и детально прослеженное Карамзиным. Им было показано также, что создание крепнущего и всё возрастающего в своих размерах государства сопровождалось усилением монархической власти, приобретающей постепенно все признаки самодержавной. «Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные сонмы народные, ни медленные думы аристократии не произвели бы сего действия»³³.

Значимость самодержавия, явившегося когда-то историческим рычагом, Карамзин распространил и на другие времена. Неисторический подход проявил он и в отношении крепостничества. Ему было известно, что введено оно было как мера, предотвращавшая переход крестьян от мелких землевладельцев к крупным. Но и крепостничество рассматривалось им как неотъемлемый элемент всей последующей общественной жизни.

В 1790 г. была издана книга А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», где самодержавие и крепостничество были совокупно охарактеризованы как «чудище». 14 декабря 1825 г. была предпринята попытка, направленная на то, чтобы устранить оба эти явления, становившиеся во всё большей степени архаичными. Карамзин же оставался убеждённым консерватором. Для него самодержавие — «душа» России, её «палладиум». Оно необходимо «для её счастья». Ему были известны и отображены в его «Истории» и в «Записке о древней и новой России» поступки самодержавных правителей, выходящие временами за пределы логики и здравого смысла, перерождения самодержавия в

³⁰ Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 99.

³¹ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 13. М., 2005. С. 472.

³² Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 142.

³³ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 5. М., 2007. С. 200.

откровенные тирании. Но он считал благом непритивление и «злому самодержцу»: «Снесём его, как бурю, землетрясение, язву...»³⁴.

Крепостничество способно, по мнению Карамзина, меняться к лучшему. Злоупотребления, не чуждые господской власти, «истребляет» просвещение. Он и сам обращался к помещикам с призывами: не притеснять своих крестьян, привести их, «если можно», в лучшее состояние и т.п.

При этом Карамзин уверял себя и других, что он «либерален», что «по чувствам» остаётся «республиканцем». Противоречия в своих воззрениях он объяснял тем, что «мысль не дело; а дело будет

не по нашим мыслям, а по уставу судьбы»³⁵. Социальные обстоятельства, сложившиеся к его времени в России, казалось ему, не могут пока что сделать его заветные мысли осуществлёнными.

В заключение надо сказать следующее. Одна из характерных особенностей русской философии — это её открытость; она тесно соприкасается с другими сферами сознания — литературой, литературной критикой, естествознанием... Имеет контакты она и с исторической наукой. Карамзин принадлежит к числу тех историков, которые изучали философию, углублялись в неё, проникались ею, использовали её в исследовательской работе.

Список литературы:

1. Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. М., 2004.
2. Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.
3. Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. М., 1998–2009.
4. Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. Антология. СПб., 2006.
5. Карамзинский сборник. Вып. 1. Остафьево, 2011.
6. Муравьев В. Николай Карамзин. М., 2005.
7. Осетров Е.И. Три жизни Карамзина. М., 1985.
8. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897.
9. Скрынников Р. Борис Годунов. М., 2002.
10. Смирнов А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. М., 2005.
11. Сухов А.Д. Просвещение и просвещенный абсолютизм в России (их характер и взаимодействие) // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. М., 1989. С. 43–60.

References (transliteration):

1. Bobrovnitskaya I.A. Regalii rossiiskikh gosudarei. M., 2004.
2. Zhilina N.V. Shapka Monomakha. Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie. M., 2001.
3. Karamzin N.M. Poln. sobr. soch.: V 18-i t. M., 1998–2009.
4. Karamzin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina v otsenke russkikh pisatelei, kritikov, issledovatelei. Antologiya. SPb., 2006.
5. Karamzinskii sbornik. Vyp. 1. Ostaf'ev, 2011.
6. Murav'ev V. Nikolai Karamzin. M., 2005.
7. Osetrov E.I. Tri zhizni Karamzina. M., 1985.
8. Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu. 1810–1826. (Iz Ostaf'evskogo arkhiva). SPb., 1897.
9. Skrynnikov R. Boris Godunov. M., 2002.
10. Smirnov A.F. Nikolai Mikhailovich Karamzin. M., 2005.
11. Sukhov A.D. Prosveshchenie i prosveshchennyi absolyutizm v Rossii (ikh kharakter i vzaimodeistvie) // Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii. Vyp. I. M., 1989. S. 43–60.

³⁴ Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18-и т. Т. 17. М., 2008. С. 164.

³⁵ Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 65.